

СУБКТЕГОРИЯ «ПОЛОВИНА» КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ МАРКЕР МЕДИАТИВНОГО ТИПА КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАМЯТНИКОВ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ)

Статья посвящена лингвокультурологическому анализу категории «мера» и ее субкатегорий как семантических маркеров медиативного типа культуры. На материале памятников письменности исследуется языковая презентация субкатегории «половина» в восточнославянском культурном пространстве XI–XVII вв.

Ключевые слова: тип культуры, медиативная культура, категория «мера», субкатегория «половина».

Коч Н. В. Субкатегорія «половина» як семантичний маркер медіативного типу культури (на матеріалі пам'яток східнослов'янської писемності). – Стаття.

Стаття присвячена лингвокультурологічному аналізу категорії «міра» та її субкатегорій як семантичних маркерів медіативного типу культури. На матеріалі пам'яток писемності досліджується мовна презентація субкатегорії «половина» в східнослов'янському культурному просторі XI–XVII ст.

Ключові слова: тип культури, медіативна культура, категорія «міра», субкатегорія «половина».

Koch N. V. Subcategory «half» as a semantic marker of a media type of culture (based on the material of Eastern Slavic script monuments). – Article.

The article is devoted to the linguocultural analysis of the category «measure» and its subcategories as semantic markers of the media type of culture. The linguistic presentation of the subcategory «half» in the East Slavic cultural space of the XI – XVII centuries is investigated on the basis of the monuments of literature material.

Key words: type of culture, media culture, category «measure», subcategory «half».

Исследование определенного типа культуры основывается в лингвоконцептологии, как правило, на концептуальном и лингвокультурном анализе процессов формирования и становления ключевых категорий и концептов национальной (этнической) картины мира. Понимание культуры как сложившейся на протяжении многих веков когнитивно-аксиологической модели реальности, проецируемой на коллективное сознание своих носителей, позволяет предположить, что доминирование определенных концептов и категорий в мировосприятии этноса определяет тип культуры. В статье «Роль базовых лингвокультурных концептов древнерусской христианской аксиологии в становлении коллективистского типа культуры» на материале памятников письменности Киевской Руси нами проанализировано семантическое развитие концептов «гордыня» и «гордость» как культурных маркеров [5, с. 62–69].

Фундаментальной категорией медиативного типа культуры является, безусловно, категория меры с такими ее субкатегориями, как соразмерность, умеренность, норма, порядок, гармония, середина, половина и пр. (специфика понятия «мера» как имеющего внешнюю (физическую) и внутреннюю (мера добра и зла) сторону, представлена, например, в монографии Т. Булыгиной и А. Шмелева [2], а также в нашей статье [4], диссертации О. Акинжеловой [1] и других научных исследованиях).

Условием осуществления философско-научного и религиозного модусов категории меры как эталона измерения качественно-количественной определенности процессов, явлений, предметов и отношений между ними является широкое рас-

пространение (с XI в.) на территориях бытования восточных славян греческих философских и теологических текстов, переведенных на старославянский язык. Особенности адаптации заимствованных культурных кодов обуславливают процесс формирования в Киевской Руси определенного типа культуры.

Категория меры, являясь аксиологической категорией, используется в культуре для характеристики объектов, субъектов, явлений и процессов с точки зрения системы определенных ценностей. Статус меры и ее субкатегорий в нравственно-этической системе христианских ценностей определяет их роль в формировании системы векторных базисов культуры Киевской Руси и в дальнейшем – других восточнославянских государств. Построение мыслительной и поведенческой модели человека в рамках античной концепции «золотой середины» предполагает систему регулятивных выборов и ограничений, спроецированных на медиативный и немедиативный типы культур.

Исследования истории восточнославянских народов, несмотря на их общие генетические корни, свидетельствуют о существенных различиях в их культурах, в том числе различиях, касающихся определения степени медиативности в межкультурной коммуникации. Так, сравнительный анализ поведенческой модели белорусов и украинцев (первой как компромиссной, примирительной) в ситуации принятия Брестской унии позволил Н. Костомарову объяснить причины формирования медиативного типа белорусской культуры: «Белорусское племя, вообще более мягкой и податливой натуры, сильнее покорилось удручающим обстоятельствам и более показало склон-

ность если не принять унию добровольно, то, по крайней мере, допустить ее, когда нельзя было не допустить ее иначе, как энергичным противодействием. Но в южной Руси [современная Украина] было не то. Там народ, чувствуя насилие совести, поднялся огромным пластом на защиту своей древности и свободы убеждения, и в последнее время, даже приняв унию, гораздо охотнее от нее отстал, чем белорусы» [3, с. 60–61]. О медиативном типе современной украинской культуры как промежуточной между высококонтекстными и низкоконтекстными культурами пишет В. Манакин: «Україна належить до третього, «проміжного», типу культур, де однаково важливі більш-менш чіткі мовні засоби спілкування й знання широкого культурного контексту, а також певних невербальних деталей комунікації, якими користуються українці як нація, що загалом не приховує своїх емоцій» [6, с. 228]. Несмотря на особое географическое положение России, расположенной между Азией и Европой и поэтому интерпретирующей свою культуру как синтезирующую, азиатские и европейские ценности, много культурных феноменов манифестируют немедиативный характер русской культуры – «черно-белой» культуры «на разрыв» (термин Б. Успенского), в которой доминируют альтернативные схемы коммуникации.

Объяснение характера медиативности в историческом, психологическом, культурологическом и других аспектах существенно дополняют лингвистические исследования языковых форм медиации, среди которых средства вербализации категории «мера» занимают особое место. Закрепление медиативности в культуре происходит с помощью различных знаковых систем, в том числе и в форме словесных знаков. Бесспорна медиативная функция слов со значением «мера» и «половина», которые являются обязательными структурными компонентами не только нейтральных, но и оценочных высказываний.

Античная философия определяет меру двояко: как способ бытия космоса, основанного на симметрии и асимметрии его структурных элементов, и как умеренность в поступках, эмоциях и словах людей. В рамках концепции «золотой середины» мера приобретает этическое значение гармоничной умеренности в противовес избыточности (безмерности) и недостаточности. Мера, которую, например, пифагорейцы выражали с помощью чисел и пропорций, соответствовала пониманию значимого социального концепта – справедливости. Такой признак справедливости, как равенство, нашел свое воплощение в пропорции $\frac{1}{2}$, эквивалентной понятию «половина». Экстраполяция арифметической «половины» на все сферы жизнедеятельности человека с их практиками земледелия, животноводства, строительства и пр., а также сакральными дискурсивными практиками происходит в свя-

зи с активным осмыслением действительности, в которой человек занимает центральное место, становясь «мерой всех вещей» (Протагор). В антропологической трактовке меры соразмерность и умеренность уже включает в себя, кроме количественного измерения, сущностную (качественную) характеристику социальной деятельности человека. Важен взгляд Платона на измерение через сопоставление с серединой между двумя крайностями, где середина как центральная точка симметрии соответствует понятию «половина».

Дифференциация Платоном количественного и сущностного видов измерения дает основания рассматривать меру как всеобщую категорию бытия, религии, этики, знания и пр. Мера, которая осмысливается как универсальная категория, представленная в различных концептосферах субкатегориями, в частности, субкатегорией «половина», предполагает наличие широкого номинативного поля, вербализующего мифологически-религиозную, морально-этическую, хозяйственно-экономическую, правовую, естественнонаучную и иные сферы деятельности человека.

Понятие (ощущение) меры как интеллектуального и эмоционального конструкта сознания формировалось в средневековом обществе, прежде всего, в соответствии с такими ключевыми концептами религиозного дискурса, как благо, добро, софия, Христос и т. п. Безмерность как противоположность меры трактовалась в древнерусской культуре в контексте учения Христа: безмерна милость Господа, а все материальное должно знать меру: «*Мерно оубо ю(с). могомое миритися или ищисти. безъмерноу же приходя меру всяку и всяко число*» (ГБ, 178а. XIV в.). Определение *безмерный* в значении «неумеренный, чрезмерный» часто употребляется в текстах, осуждающих плотские излишества. Мера (умеренность) как категория качества (например, сущности Бога) является духовным ориентиром христиан и противопоставляется мере «бытийной» как категории количественной.

Государственный аппарат, опираясь на христианскую этику, стремится создать правовую систему, определяющую характер меры в межличностных и других социальных отношениях (ср. название древнерусского юридического сборника – «Мерило Праведное»). В сфере налоговых обложений и сборов, а также в области судебного права у восточных славян широко распространилась половинная система измерения, зафиксированная в исторических словарях: *полувирые*, *полувитное* (*полувитчикъ* – «тот, кто платит с половины выти»), *полуворота*, *полудворъ* (*полудворникъ* – «тот, который платит подать с половины двора»), *полукопье* – «натуральная плата за аренду земли», *полслужбы* – «земельный надел за исполнение воинской службы, с которой платилась

половина урожая» (*полслужба* – «исполнитель каких-либо обязательств за половину платы»), *полневесты* – «половина платы за свадьбу» («*Присудили есмо той мещанце на Федоре Кульневе за полневесты*» – КСД, 1270. 1518 г.), *полвека* – «телесное повреждение, за которое платили половинный штраф», *полвиры* – «половина денежного штрафа за убийство женщины или увечье» (за мужчину платили полную стоимость) (СлРЯ XVI, 199, 233, 262, 263; ССУМ II, 187; ГСБМ XXVI, 204–205).

В основе идеи раздела на равные половины лежит метафизическая концепция симметричного устройства мироздания, воплощенная, например, в индоевропейской мифологеме «мировое дерево», символизирующей середину мира, или в других мифологемах и архетипах типа очаг, огонь, пуп земли и т. п. (одно из значений слова *половина* – «середина» (СлРЯ XVI, 231)). Этимологически в слове *пол* в значении «сторона, половина» заложена идея гендерной дифференциации (отсюда – *женский пол, мужской пол*). Предположительно, лексема *пол* также связана с алб. *palë* «сторона, партия, раздел, отделение» (Фасмер III, 306) (ср. др.-русс. *пола* – «кусочек ткани, занавес», *полотно, долгополый*; река *Пола* – правый приток Ловати; *полоть* – «половина свиной или бараньей туши»). Интересно отметить, что др.-инд. *dalam* (доля) имело значение «кусочек, часть, половина», отсюда *доля* – «судьба» (ср.: *получай* «случай», «судьба», «счастье», «состояние, положение в обществе» – СлРЯ XVI, 275).

Языковая репрезентация субкатегории «половина» отражает ее антропоморфный характер, о чем свидетельствует анализ «телесно ориентированных» лексем типа *полголовы* – «половина головы», «середина головы», «половина *головизны* (пошлины)»; *полногтя*; *полноса*; *полголену*; *полпальца*; *полперста* – «мера длины», «линейная мера»; *полдолони* – «бытовая мера длины»; *полпуза* – «мера сыпучих тел»; *полстана* – «середина спины; длина»; *полтелесе* – «середина тела, талия»; *ползубение* – «половина зубницы (от «зоб») – меры и тары для сыпучих тел»; *полстопы* – «половина стопы как счетной единицы бумаги», «мера длины»; *полступени, полступня* – «мера длины, полфута»; *полустопье* – «сосуд меньшего размера, чем стопа» и т. д. Название монеты *полтораць* (полгроша) закрепилось в антропоморфной картине мира в качестве антропонима, распространенного среди восточных славян (ср. фамилия *Полторак*). Телесно ориентированная метафора «половица души моей» употреблялась в разговоре о дорогом, любимом, близком человеке (см. СлРЯ XVI; ССУМ II; ГСБМ XXVI).

Универсальные категории пространства и времени, связанные с осознанием состояния равновесия (физического и духовного) и природной гармонии, репрезентированы номинациями со

значениями «мера длины», «линейная мера», «размер», «измерение времени»: *полперестрела, полвершка, поллоктя, полмили, полстадии, полпрута, полгодини, полчась, полпрока, полгодье, полвремяе, пол-лета, полнедели, полседмици* и т. п. Единицами измерения сыпучих и жидких веществ являлись *пол(у)мерокъ, половникъ, полфодра, полгарца, полпляшокъ, полкорца, полкраковка* и т. д.

Принцип раздела материального на две равные половины соответствует идее социального равенства и справедливости. Половинной мерой измеряли имущество (земли, угодья, именья, скот, вещи), предметы торговли, подати, сборы, доходы (*поллеса, полмаетности, полместа, полсела*). Лексико-грамматические формы *половина, полчасти, половица* и многочисленные дериваты с усеченной основой *пол-* объективировали самые разнообразные фрагменты действительности. Так, важность земли как предмета купли-продажи и источника жизни определяет широкий круг соответствующих лексических средств: *полпуга, полроли, полжеребя, ползагона, полслужбы, полмиля, полверевки, полволоки, полвыти, полверсты, полморкга, поллука*. Половинная доля во владении землями, угодьями, паями и пр. была представлена такими номинациями, как *полтони, полпоезда, полварницы, полкузницы, поллодки, полмельницы, полневода* и т. п.

Многочисленные примеры наименований пошлин, даней, денег и им эквивалентных предметов (в частности, мехов, продуктов питания, ценных вещей) с указанием на половину объема (платы, объекта), т. е. $\frac{1}{2}$ целого, свидетельствуют о значимости категории «половина» в жизнедеятельности человека: *полцены, полденьги, полтораць, полфунта, полушка, полтирога, полтина* (ср. *полтина московская, полтина новгородская, полтина ходячая, полтинные деньги* – «денежный сбор»; *полугрошникъ подольский, поль гривны, поль гроша, поль копы* – ССУМ II, 187), *полгривны (полугривна новгородская), полуденьга, пол(в)золотой, полугрошь: «Отъ попису не мають большъ брати, одно по польгрошьку съ коня»* (КПД, 111. 1544 г.); «*Оддавши кождый зъ нихъ куницы повзолото, за кого хотя пойти вольно»* (АСД I, 260. 1617 г.); «*Казанец Иван Андреев явить товару полсорока пупков [соболей]*» (Там. кн. I, 187–188. 1636 г.); «*Купили отъ пана Стефана войта два полфутра брушковыхъ»* (ИЮМ VIII, 94. 1691 г.) (СлРЯ XVI).

Виды натурального, а затем денежного обложения «половинная рыба» и «половинный бобер» предполагали половину платы с прибыли: «*За уловную половинную рыбу семгу дано»* (Кн. прих.-расх. мон. казн. Арх. Он. 1692 г. – СлРЯ XVI, 232); «*Принесъ Мишка Шевердинъ за половинные бобры три рубли 16 алтынъ 3 денги»* (Кн. прих. Болд. м., 211. 1596 г. – там же). Дериваты *полбелки* (ср. *белка* – «участок земли, облагаемый

поземельным сбором»), *полбобра*, *полгорностая*, *пол(у)куницы* функционировали в старорусском языке в значении «половина шкурки животного как единицы натурального или денежного обложения»: «*Явил стародубской житель Спиридон Яковлев по брянской выписи в 3 полубелках 84 половинки сукон валторовских*» (Там. кн. I, 79. 1694 г.); «*А идетъ съ того жеребья полколоды меду, а полведра, а полбобра*» (Дан. гр. кн. Влад. Ольг. – РИБ II, 6. XVII в. ~ 1392 г.); «*А денежныхъ доходовъ з живущихъ вытеи за девять горностаевъ с полугорностаемъ одиннадцатъ алтынъ съ полуденьгою*» (Гр. Дв. II, 20, 1653 г.); «*А нынечъ даютъ оброку пол – 2 гривны..., а съ полукунцы не даютъ*» (Кн. пер. Дерев. пят. II, 734. 1495 г.). Термин *полкунцы* также называл половинную единицу измерения сыпучих тел: «*Купилъ полкунцы муки ржаной*» (Кн. расх. Хлын., 36. 1679 г.) (СлРЯ XVI).

Дериват *полуконное* («*льну зъ дыму по десятку, а пицого по пенезю, полуконного ви*» – АВК XIV, 11. 1555 г.) зафиксирован в «Историческом словаре белорусского языка» как «налог на сыпучие и вязкие вещества» (*полконя* платили как половину стоимости коня (ср. также: *полконя* – «кентавр, полуконь-получеловек»): «*Янь Матеевичъ Какъма [съ] Завадь ставиль за полъконя конь въ кафъ з оцепомъ*» (ПВЛ, 405. 1565 г.). Мясные тушки в размере одной второй целого (*полполти*, *полтуши*, *полгрудины*) долгое время являлись единицами натуральной подати: «*А старого дохода шло семь денегъ, полъ борана, пол полти мяса, куря, полъ заеца, боцька пива*» (Кн. пер. Водск. пят. II, 159. 1500 г.).

Семантическая эволюция усеченной основы (аффиксоида) *пол-* (*полу-*) выразилась в развитии таких значений, как «ниже качества», «меньшего размера», «слабее, хуже»: *полуверие* «искаженное с точки зрения православия вероучение; о католицизме», *полуверный* – «католик», *полубица* – «конь, менее горячий, чем арабский скакун», *полпива* – «легкое пиво», *полуалександрия* – «бумага, сортом ниже, чем александрийская», аналогично – *полуплемя*, *полупоколение*, *полудруг* и т. д.

Свойство мышления реализовывать категории и концепты через систему ментальных противопоставлений проявляется в языке через вербальные дихотомические структуры. Осмысление категории меры как единства противоположностей (мера – безмерность) позволяет выделить несколько типов бинарных моделей с семанти-

кой «половина»: комплементарные (например, словообразовательный синтез морфем в словах типа *полгорода*, *полчеловека*), полярные (*целый – половина*) и комплетивные модели (*половина – середина*).

Итак, категория меры и ее субкатегория «половина» являются универсальными бытийными понятиями, входящими в структуру всех значимых сфер жизнедеятельности человека. Концептуальная связь структурных элементов категории проявляется через вхождение концептообразующих лексем в информационные поля концептов разноплановых концептосфер. Широкое использование двух видов измерения – количественного и качественного (сущностного) – определяет тип культуры восточных славян (в исследованный период) как медиативный. Маркерами медиативности являются лексические средства языка, широко зафиксированные историческими словарями древнерусского, староукраинского, старорусского и старобелорусского языков. Осознание половины как середины между двумя крайностями, структурного элемента симметрии, эквивалента равенства (а в социальном аспекте – справедливости) позволяет определить оппозицию «излишество – недостаточность» как полярную и поэтому нерелевантную для коллективного сознания. Преимущественное употребление слов с семантикой «половинное измерение» в хозяйственно-экономической области свидетельствует о важности идеи деления целого на половину в быту и практичности такой измерительной системы.

Большая часть номинаций, репрезентирующих категорию «мера» и субкатегорию «половина» в исследуемый период, перешла в пассивный запас лексической системы современных восточнославянских языков. Избыточность анализируемой лексики со временем устраняется, что объясняется рядом причин, в частности, изменениями в экономической, налоговой, правовой, хозяйственно-бытовой и других сферах деятельности человека.

Перспективность исследований категорий и концептов, вербализованных исторической лексикой в диахронии, несомненна. Анализ архаичных номинаций как концептообразующих единиц и репрезентантов аксиологических категорий в когнитивном и лингвокультурном аспектах способствует углубленному исследованию этнической ментальности, а также типа национальной культуры.

Литература

1. Акинжелова О. Концепт «мера» как фрагмент русской языковой картины мира: на материале пословиц, поговорок и фразеологизмов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Акинжелова. – Липецк, 2008. – 270 с.
2. Булыгина Т. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. Булыгина, А. Шмелев. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 574 с.
3. Костомаров Н. Две русские народности / Н. Костомаров // Основа. – СПб, 1861. – № 3. – С. 33–80.

4. Коч Н. Лингвализация восточнославянской ментальности (опыт диахронического исследования когнитивной категории «мера» / Н. Коч // Київська старовина. – 2011. – № 1. – С. 33–45.
5. Коч Н. Роль базових лінгвокультурних концептів давньоруської християнської аксіології у становленні колективістського типу культури / Н. Коч // Нова філологія. Збірник наукових праць. – Запоріжжя : ЗНУ, 2014. – № 62. – 240 с. – С. 62–69.
6. Манакін В. Мова і міжкультурна комунікація : [навч. посіб.] / В. Манакін. – К. : ВЦ «Академія», 2012. – 288 с.

Источники иллюстративного материала

7. Гістарычны слоўнік беларускай мовы : Вып. 26 / [гл. рэд. А. Жураўскі]. – Мінск : Навука і тэхніка, 2007. – 444 с. [вып. 1, с. 45–49 – спісак крыніц].
8. Кочин Г. Материалы для терминологического словаря Древней России / Г. Кочин. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1937. – 487 с.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. : Вып. 16 / [под ред. Г. Богатовой]. – М. : Наука, 2002. – 295 с. [т. I, с. 7 и сл. – хронологический список источников].
10. Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. : В 2-х тт. (ССУМ).– Т. II / [ред. Л. Гумецька, І. Керницький]. – К. : Наукова думка, 1978. – 591 с. [т. I, с. 24 – 56 – хронологічний список джерел].
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – тт. I–IV, – Т. III – М. : Астрель, 2004. – 830 с.